

И. М. ЭРЛИХСОН

АНГЛИЙСКАЯ КОНСЕРВАТИВНО-АБСОЛЮТИСТСКАЯ УТОПИЯ второй половины XVII века

Английская революция XVII в. коренным образом изменила общественно-политическую, социально-экономическую и религиозную жизнь страны и до основания потрясла общественное сознание. Поиск новых форм политического и социального устройства, отношений собственности, новых форм свободы личности, коренных преобразований в воспитании и образовании привел к появлению множества утопических произведений различной политической направленности, представленных в разнообразных литературных формах. Политические, экономические и религиозные интересы разных слоев английского общества, естественно, формировали и различные представления об общественном идеале. М.А. Барг выделял два магистральных направления утопической мысли Англии XVII в.: буржуазно-дворянское, связанное с интеллектуальными традициями гуманизма и началом Просвещения, и крестьянско-плебейское, которое опиралось на порожденные пуританизмом народно-реформационные течения¹. Утопиям республиканской ориентации и народным утопиям посвящены фундаментальные работы отечественных англоведов². Вместе с тем еще одно направление утопической мысли Англии второй половины XVII в. – консервативно-абсолютистское – осталось вне поля научного исследования, хотя его связь с достаточно представительными слоями общества, поддерживавшими институт монархии, очевидна, сколь очевидно и то, что без серьезного исследования этого направления наши знания об английской общественной мысли того времени будут неполными.

На протяжении первой половины XVII в. идеология абсолютизма была представлена одним из самых влиятельных и значимых направлений английской политической мысли – консервативно-патриархальной концепцией государственного устройства. Те или иные элементы патриархальной теории часто встречались в трудах мыслителей, религиозных и политических деятелей конца XVI – начала XVII в. Так, в трактате Эндрю Саравии "О верховной власти" (1593 г.) отмечалось, что любая форма правления имеет патриархальную основу, так как каждый человек с момента рождения подчиняется отцу, а первые политические образования представляли собой разветвленные семейные общины, где власть принадлежала патриархам, которые и были первыми монархами. В трактате "О власти папы в мирских делах" (1614 г.) Джона Бакериджа, епископа Рочестера, говорилось, что королевская и отцовская власть имеют одинаковую природу. В 1626 г. было опубликовано эссе "О божественном провидении" Эдварда Родни. В нем

Эрлихсон Ирина Мариковна – кандидат исторических наук, докторант кафедры новой и новейшей истории Московского государственного педагогического университета.

¹ Барг М.А. Социальная утопия Англии середины XVII века. – Европа в новое и новейшее время. М., 1966, с. 79–80.

² Сапрыкин Ю.М. Социально-экономические взгляды английского крестьянства в XIV–XVII вв. М., 1972; *его же*. Политическое учение Дж. Гаррингтона. Из истории идейно-политической борьбы в годы Английской буржуазной революции XVII века. М., 1975. Павлова Т.А. Споры вокруг Макарии. – История социалистических учений. М., 1985; *ее же*. Народная утопия в Англии XVII века. Представления о социальной справедливости. М., 1998; Барг М.А. Указ. соч., с. 79–80.

автор, апеллируя к тексту Священного писания, заявлял, что "спрашивать согласия людей на создание правительства так же нелепо, как просить детей подчиняться отцу"³. Конечно, появление произведений такого плана в первой трети XVII в. было обусловлено нравственными устоями эпохи. В то время не было ничего более естественного, чем повиновение детей отцу. Считалось, что глава семейства обладает властью над женой, детьми и слугами, причем эта власть носит божественный характер. Подобное мнение разделяли люди, придерживавшиеся самых разных политических взглядов, и не удивительно, что патриархальность из бытовой сферы перекочевала в область политики и философии.

Родоначальником консервативно-патриархального направления политической мысли принято считать Роберта Фильмера (1588–1653). Его заслуга в том, что он сумел синтезировать целостную, внутренне непротиворечивую, обеспеченную солидной аргументацией концепцию патриархального происхождения государственной власти. Фильмер категорически, как противоречащие Священному писанию, отрицал теории естественного права и общественного договора, на том основании, что, если принять гипотезу о свободе народа в выборе и установлении власти, то следует признать и право народа сменять и наказывать правителей, когда те нарушают закон. Однако, признавая божественное происхождение власти, Фильмер сам же обозначил противоречие в своей теории: "То, что Господь является источником власти, известно из Священного писания, но почему он даровал ее одному человеку, если все люди по природе равны?"⁴. Разрешение этого противоречия Фильмер находил в том, что истоки власти короля над народом производны от власти отца над семьей и власти Адама над всеми последующими поколениями: "Адам был не только прародителем человечества, но владыкой для своих детей, внуков и всех последующих поколений, а настоящие монархи являются потомками и наследниками истинных прародителей человечества"⁵. Поэтому созданная на основе патриархального принципа королевская власть в полном соответствии с теорией государственного суверенитета должна быть неограниченной и беспрекословной.

Идеологическое значение патриархальной теории, ее влияние и общественный резонанс в XVII в. наглядно иллюстрируют политические и идейные противники Фильмера. В революционный период его оппонентами были Джон Милтон и Джеймс Гаррингтон; его имя неоднократно встречалось на страницах "Рассуждений о правительстве" Олджернона Сиднея и "Возрожденного Платона" Генри Невилля, а в последнем десятилетии XVII в. для опровержения теории Фильмера значительные усилия предпринял Джон Локк.

Тем не менее вариант английской монархии образца 1660 г. был далек от патриархального идеала Фильмера, что осознавали все, кроме короля и сплотившихся в партию тори роялистов, на протяжении 19 лет управлявших страной дореволюционными методами. Потерпев поражение на выборах 1679 г., тори предприняли попытку реставрировать свою идейную платформу, опубликовав полное собрание сочинений Фильмера, так как за время, прошедшее после его смерти в 1653 г., не было создано ничего, что могло бы конкурировать с теоретическими достижениями представителей республиканского направления по силе воздействия на общественное сознание. Консервативно-абсолютистская идеология постепенно сдавала свои позиции, однако и в конце XVII в. все еще существовали роялистски настроенные слои общества, количественно представительные и политически влиятельные. При отсутствии серьезных политико-философских трактатов, теоретически обосновывавших преимущества абсолютной монархии, все большую роль начинали играть произведения утопического жанра – размышления об идеальных, существующих только в воображении автора государствах с монархической формой правления.

³ Цит. по: *Sommerville J. Introduction. – Filmer R. Patriarcha and Other Writings. Cambridge, 2004, p. XVIII.*

⁴ *Filmer R. Op. cit., p. 5.*

⁵ *Ibid., p. 7.*

В 1660 г. на волне патриотических чувств, вызванных возвращением в Лондон и коронацией Карла II, появилась утопия "Новая Атлантида, начатая лордом Веруламом, виконтом Сент-Олбенс... и продолженная Р.Х., эсквайром", в которой излагалась программа монархического правления. Авторство приписывалось Ричарду Хэйнсу (1633–1685), джентльмену из Суссекса, убежденному роялисту и члену партии тори, из-под пера которого с завидной регулярностью выходили различного рода проекты ликвидации пауперизма и безработицы⁶. Среди возможных авторов продолжения "Новой Атлантиды" также называли Роберта Гука (1635–1703), куратора экспериментов Лондонского королевского общества, изобретателя и ученого, чьи разносторонние интересы распространялись на геометрию, астрономию, химию, оптику, философию, ботанику и философию⁷. Но самые весомые доводы приводятся в пользу авторства Ричарда Хаукинса, чей трактат "Рассуждение о национальном превосходстве Англии" (1658 г.) стилистическими особенностями, ссылками на Ф. Бэкона и отдельными пассажами, восхваляющими абсолютную монархию, вызывал ассоциации с анонимным продолжением "Новой Атлантиды"⁸.

Утопия открывалась письмом к его величеству, в котором автор предусмотрительно оговаривался, что, "если он не сумел достойно отобразить великолепные достоинства наиболее совершенного из существующих монархов, то это произошло потому, что его мастерства и силы воображения хватило только на грубый набросок, в то время как рука более глубокомысленного человека в дальнейшем нарисует портрет живыми и яркими красками"⁹. Хотя английский историк А. Мортон отмечал, что "посвящение к этой книге помимо воли автора звучит иронически"¹⁰, дальнейший текст свидетельствует об абсолютной серьезности автора и его искренней преданности классическим монархическим идеалам. Сетую на то, что жители Англии, "наблюдающие за действиями короля завистливым и недоверчивым взглядом", поставили под сомнение абсолютистский характер английской монархии, автор минимизирует политическую роль парламента. По его мнению, исторически сложившаяся обязанность палаты общин – выражать покорность воле лордов и молчаливо соглашаться с принятыми решениями. Короля же, который сосредоточивает в своих руках все ветви власти, а также является источником и гарантом соблюдения законов, автор сравнивал с пастухом, "кнутом и посохом оберегающим стадо овец в своих и его (стада. – И.Э.) интересах"¹¹.

За предисловием и кратким пересказом содержания "Новой Атлантиды" Бэкона начиналась самостоятельная сюжетная линия. Строго говоря, сюжет, как таковой, отсутствовал, а повествование было выстроено в традиционной для жанра утопии форме диалога между вымышленным рассказчиком и Алькалдоремом, членом магистрата Бенсалема, который поведал об обычаях, быте и нравах обитателей Атлантиды, – в общем, обо всем, о чем в свое время умолчал Бэкон. «Общественный строй, изображенный в "Новой Атлантиде", – писал В.Ф. Асмус, – есть лишь идеализация английской абсолютной монархии времен Бэкона. Мы узнаем в нем и королевскую власть, и парламент, и церковь, занимающую важную роль в жизни государства, и чиновничество различных степеней и рангов»¹². В утопии Бэкона вопросам государственного устройства уделено

⁶ Haines R. The Prevention of Poverty. London, 1674; *idem*. Proposals for Building in Every County a Working Alms-House or Hospital as the Best Expedient to Perfect the Trade and Manufactory of Linen-Cloth. London, 1677; *idem*. A Method of Government for Such Public Working Alms-Houses. London, 1677; *idem*. A Model for Government for the Good of the Poor and the Wealth of the Nation. London, 1678; *idem*. England Wealth and Prosperity Proposed. London, 1678.

⁷ Manuel F. Pansophia, a Seventeenth Century Dream of Science. – Freedom from History. New York, 1971.

⁸ Claves G. Introduction. – Restoration and Augustan British Utopias. Ed. by G. Claves. Syracuse, 2000, p. XXXIII.

⁹ R.H., *esquire*. New Atlantis Begun by Lord Verulam Viscount of St. Alban's... and Continued by R.H. – Restoration and Augustan British Utopias, p. 5.

¹⁰ Мортон А. Английская утопия. М., 1956, с. 99.

¹¹ R.H., *esquire*. Op. cit., p. 7.

¹² Асмус В.Ф. Избранные философские труды, т. 1. М., 1969, с. 362.

ничтожно мало внимания, поскольку философа в первую очередь интересовали пути создания такого общества, которое способствовало бы максимальному процветанию науки и техники. Этот "недостаток", по всей вероятности, решил исправить анонимный автор продолжения "Новой Атлантиды". Сообщив путешественникам, что в отличие от других правителей король Соломон управляет своей страной единолично, без совета прелатов, знати и народа, Алькалдорем поспешил заверить, что "жителям Бенсалема от природы присуща покорность, и они уверены, что король никогда не поступит дурно по отношению к ним, так как монарх и народ составляют единый и неделимый организм"¹³.

Выразительницей абсолютистских настроений была и Маргарет Кавендиш, герцогиня Ньюкасл, чье "Описание Нового мира, называющегося сияющим миром" (1666 г.) относилось к числу самых консервативных монархических утопий времен Реставрации. В предисловии Кавендиш не без иронии восклицает: "Если я не могу быть Генрихом V или Карлом II, то почему бы мне не объявить себя Маргарет I? И хотя у меня нет ни времени, ни возможности завоевать мир, подобно Александру Великому и Цезарю, я могу создать свой собственный мир, за что, надеюсь, меня не осудят, так как во власти каждого сделать то же самое"¹⁴. "Описание Нового мира" – это история юной девушки, похищенной влюбленным купцом, "ниже ее по положению и потому не смеющим рассчитывать на благосклонность", и унесенной в "сияющий" мир сильнейшим морским штурмом. Внешность героини так резко контрастировала с обликом обитателей этого мира – разного рода антропоморфных существ, что ее приняли за богиню и с почетом препроводили к императору. Тот сделал ее своей женой и даровал абсолютную власть над подданными.

Несмотря на традиционное начало (главный герой попадает в идеальный мир посредством разбушевавшейся морской стихии), произведение Кавендиш не являлось утопией в классическом понимании. Но даже предельно схематичное изображение политического и социального устройства общества не помешало ей в полной мере выразить приверженность патриархально-монархическим идеалам. Кавендиш, безусловно, близка идея об организации общественного устройства на рациональных началах, и она отстаивает эту идею, пытаясь воздействовать не столько на разум, сколько на эмоции и воображение читателей. Однако эти рациональные начала, по мнению Кавендиш, присущи только абсолютной монархии. "Как для человеческого тела естественно иметь одну голову, – пишет она, – так для политического образования естественно иметь одного правителя. Государство же, которым управляют многие, подобно многоголовому чудовищу. К тому же монархия наиболее соответствует характеру нашей религии, и с той же покорностью, с какой мы поклоняемся одному Богу, мы должны подчиняться одному императору"¹⁵. Идеальная модель государственного устройства у Кавендиш предстает в виде мощного унитарного государства на патриархальной основе, где "один правитель, одна религия, один закон, один язык... весь мир, как одна большая семья, как Бог, его благословенные святые и ангелы"¹⁶.

По-иному истолкована проблема происхождения абсолютной власти в "Скидромедии" – еще одной утопии периода Реставрации, принадлежащей перу Антуана Леграна (1629–1699), французского богослова и философа, автора многих работ по этой тематике¹⁷. С 1656 г. Легран жил в Англии, был членом францисканского ордена, активной

¹³ R.H., *esquire*. Op. cit., p. 20.

¹⁴ Cavendish M. The Description of New World Called the Blazing World. – Cavendish M. The Blazing World and Other Writings. London, 2004, p. 124.

¹⁵ Ibid., p. 134.

¹⁶ Ibid., p. 201.

¹⁷ Le Grand A. Philosophia veterum, e mente Renati Descartes more scholastico reviter digesta. London, 1671; *idem*. Man without Passion: Or, the Wise Stoick, According to the Sentiments of Seneca. London, 1675; *idem*. The Divine Epicurus, or, the Empire of Pleasure over the Virtue. London, 1676; *idem*. An Entire Body of Philosophy According to the Principles of the Famous Renate Descartes. London, 1694.

публицистической деятельностью способствовал популяризации идей картезианства в Англии. В XX в. он был назван одним из "апостолов картезианства"¹⁸. В Англии Лэгран получил известность как автор труда "Философия в соответствии с принципами Рене Декарта", который использовался в колледжах Кембриджа в качестве учебника.

В композиционном плане "Скидромедия" Лэграна напоминала "Утопию" Томаса Мора. Она состояла из двух книг. В первой предлагался критический обзор современной английской действительности, во второй – подробное описание идеального государства. В диалоге между двумя вымышленными персонажами – лордом Фальмаутом и Альфонсо де ла Вида – перед читателями предстала Англия конца XVII в., причем с двух разных точек зрения: с позиции ультраправого роялиста и с позиции сторонника конституционной монархии. Если первый жаловался на упадок национального духа, религиозные разногласия, возрастающую военную угрозу со стороны голландцев и тиранию парламента над королем, то второй заявлял, что реставрация монархии способствовала возрождению национального духа, что религиозные разногласия будут забыты перед лицом внешнего врага, а парламент и монарх – суть едины, пока они не превышают своих полномочий.

На язвительные слова собеседника: "Абсолютные монархии – божества по титулу, а по существу атеисты и циники, использующие свое так называемое благочестие для личных интересов и пользующиеся властью, как им заблагорассудится", – роялист Альфонсо отвечал, что есть одно государство, где "гражданская свобода и единоличное правление сплелись в гармоничном созвучии"¹⁹. По словам Альфонсо, там монарх контролировал армию, финансы и законы; там религия – это источник очищения духа, а не причина раздоров, а войны крайне редки и носят исключительно оборонительный характер.

Изначально описываемое общество находилось в состоянии примитивной анархии. Переход к монархии абсолютной произошел посредством добровольного, осознанного выбора формы государственного устройства, наиболее соответствующей законам разума и природы. Некоторые члены общества ратовали за демократическое устройство, но большинство настояло на монархии, так как народным массам чужда умеренность во всем, в том числе и во власти, а потому их удел – подчиняться, как дети подчиняются отцу, как стадо следует за пастухом. В этой абсолютистской утопии примечательно то, что принцип патриархальности сочетается здесь с элементами теории договорного происхождения власти. Благородный и мудрый Скидромедиус был выбран сначала просто лидером, а потом, своей добротой и достойными деяниями заслужив любовь и уважение подданных, стал королем.

Самой же ультрароялистской из всех консервативно-абсолютистских утопий являлась "Возрожденная античность" (1693 г.), напечатанная анонимно и предположительно принадлежавшая перу Френсиса Ли (1661–1719), автору многочисленных трудов²⁰. Ли родился в графстве Суррей, закончил колледж Св. Иоанна, некоторое время был домашним учителем в аристократических семействах. В 1691 г., не приняв нового режима, он эмигрировал в Голландию, но потом снова вернулся в Англию.

По сюжету "Возрожденной античности" несколько жителей Афин, среди них – философ, сенатор и жрец, покинули город после захвата его Александром Македонским (по аналогии с вторжением в Англию голландского военного флота во главе с Вильгельмом Оранским) и отправились в Персию. Однако внезапно разразившаяся буря выбро-

¹⁸ Patrick J.M. Scydromedia, a Forgotten Utopia of the Seventeenth Century. – *Philological Quarterly*, 1944, v. XXIII, p. 273.

¹⁹ *Le Grand A. Scydromedia seu sermo quem Alphonsus de la Vida habuit ciram comite de Falmouth*. London, 1669, p. 35–37.

²⁰ *Lee F. Horologium Christianity*. London, 1689; *idem. The Labouring Person's Remembrancer*. London, 1690; *idem. A Letter to Some Divines*. London, 1695; *idem. The State of the Philadelphian Society*. London, 1697; *idem. The History of Montanism*. London, 1709; *idem. The Christian's Exercise*. London, 1715; *idem. The Unity of Church and the Expedience of Forms of Prayer*. London, 1719; *idem. Consideration Concerning Baths*. London, 1716.

сила их корабль на побережье острова Астреада, получившего название в честь богини Астреи²¹. Этим собственно сюжет и исчерпывался, а далее следовали абстрактные сентенции, которые условно можно разделить на два блока: религиозно-философский и морально-политический. Автор, по всей вероятности, отлично знакомый с творчеством Фильмера, практически в первозданном виде изложил его патриархальную теорию. Жители Астреады живут "безмятежно и счастливо" под властью абсолютной наследственной монархии, самой естественной и соответствующей человеческой природе форме государственного устройства. "Человек главенствует над остальными созданиями, – рассуждает автор, – но он недостаточно компетентен, чтобы создавать законы для себя самого по причине порочности и слабости, лучшим лекарством от которых является абсолютное и беспрекословное подчинение гражданской власти"²². Проводя аналогию между государством и семьей, Ли утверждал, что монарх обладает неограниченной властью над своими подданными, как отец над порожденным им потомством. "Все короли, имеющие власть, являются отцами своего народа, наследниками этих отцов или узурпаторами патриархальной власти, – писал Ли и делал необходимую ремарку: – Незаконный захватчик трона не имеет права именоваться отцом народа"²³.

Как и Фильмер, он с негодованием обрушивался на теорию договорного происхождения государства. Но если Фильмер оперировал конкретными историческими фактами, цитировал парламентские документы, то доводы Ли, в целом не противоречившие логике, выглядели довольно беспомощно, особенно на фоне уже произошедших событий. "Если предположить, – писал он, – что существует всеобщее равенство, то при выборе короля должны учитываться все мнения до единого. Но кто же назначит место и время, если все равны? Кто даст свое согласие от лица отсутствующих по причине старости или болезни? Учитываются ли голоса детей или за них принимают решение родители? Если это так, то разве подчинение родителям не исключает свободу волеизъявления?"²⁴.

Считая монархию "правительством, наилучшим образом соответствующим общему благу", Ли с нескрываемым пренебрежением отзывался о других формах государственного устройства. Республику он именовал результатом восстания простонародья, надругательством над общественным порядком, служащим для удовлетворения амбиций диктаторов и узурпаторов, превравших законную королевскую династию. Смешанная же, или ограниченная, монархия, по мнению автора "Возрожденной античности", вообще не имеет права именоваться монархией. Автор поражался наглости тех, кто "упражняется в красноречии", пытаясь доказать, что король, лорды и общины могут одинаково равно участвовать в законотворчестве. "Если монарх милостиво разрешает народу принимать участие в создании законов, то подданные должны думать о том, как увеличить славу монарха, а не мнить себя народными представителями и не требовать от своего повелителя поделиться властью"²⁵, – писал Ли.

Литературная форма утопии давала приверженцам абсолютизма возможность изобразить многомерную модель идеального с их точки зрения социума и пространно описать все сферы его жизни – государственно-законодательную, религиозную, хозяйственно-бытовую. Так, все авторы, характеризую законодательную основу описываемого ими государства, отмечали немногочисленность как законов, так и представителей юридической профессии. Анонимный автор продолжения "Новой Атлантиды", в частности, с гордостью заявлял, что законодательство Бенсалема, "самое совершенное в ми-

²¹ *Астрея (Дике)* – в греческой мифологии дочь Зевса и Фемиды, богиня правды и справедливого возмездия, обитавшая среди людей "золотого века". Испорченность людских нравов заставила ее покинуть землю и вознестись на небо, где она почиталась под именем созвездия Девы.

²² *Antiquity Revived or the Government of a Certain Island Antiently Call'd Astreada. – Restoration and Augment British Utopias*, p. 155.

²³ *Ibid.*, p. 156.

²⁴ *Ibid.*, p. 158.

²⁵ *Ibid.*, p. 164.

ре", подобно 10 библейским заповедям, представлено 10 сводами законов. Для законотворчества создана специальная юридическая семинария. Ее члены регулярно совершают путешествия в разные страны и после 12 лет пребывания там представляют наиболее подходящие для Бенсалема законы на суд короля. По размышлении он переводит их в разряд фундаментальных, и таким образом получает практическое воплощение основополагающий абсолютистский принцип "король – источник законов". Это, во-первых, экономит время, затрачиваемое на "пустые разговоры и межпартийные склоки в парламенте", а во-вторых, автоматически исключает возможность народных восстаний, к чему неизбежно приводит наличие в государственном устройстве даже незначительных элементов демократии.

К достоинствам законодательного кодекса Бенсалема также можно отнести немногочисленность законов, их сдержанную лаконичность и, что немаловажно, оперативность отправления правосудия. Характерно и то, что в кодексе не было предусмотрено наказания за цареубийство, так как жителям Бенсалема "мысль о покушении на жизнь их отца, их духовного патриарха кажется дикой и невероятной"²⁶. Меры пресечения варьировались в зависимости от социальной тяжести преступления – от унижительного ношения медного ошейника за кражу до варварски жестоких наказаний за взяточничество. Получившему взятку выкалывали глаза, "уподобив его слепой Фемиде", а руке давшего взятку грозила пытка расплавленным железом²⁷. Любое наказание, будь то общественное презрение или нанесение тяжелого физического увечья, всегда сопровождалось крупными денежными штрафами, идущими в королевскую казну и на благотворительную деятельность.

В отличие от Бенсалема в Скидромедии Леграна в процессе законотворчества был задействован исключительно глава государства. Перед созданием законов он провел огромную подготовительную работу в духе просвещенной монархии. Изучил историю, обычаи и традиции народа, чтобы своими законами начертить границу между пороками и добродетелями; каждому определил род занятий, соответствующий природным склонностям, окружил себя наиболее образованными представителями аристократических родов. Законы в Скидромедии немногочисленны и лаконичны, а наказания выдержаны в худших средневековых традициях. Супружеская измена карается смертью, ложь – поркой, мятеж – нанесением физического увечья, праздность – отправкой на галеры, а самые злостные нарушения законов – поркой и казнью через утопление. Представителей юридических профессий в государстве немного, и отношение к ним суровое. Адвокатам, защищающим клиента и знающим о его виновности, – отрезают уши и отправляют в вечную ссылку. Примечательно, что король, будучи законотворцем, не главенствует над законом, а тоже является объектом законодательства и может надеяться только на чистоту своей совести и уважение подданных.

Автор "Возрожденной античности" считал, что главное преступление и первопричина всех зол – это непокорность, и полагал, что лучше ее не допускать, "заблаговременно удалив семена плевел", чем впоследствии ликвидировать ее результаты. Для этого он предлагал оригинальную меру, суть которой заключалась в наказании не только непосредственных бунтовщиков, но и членов их семей и даже их потомков, распространяя таким образом, принцип патриархальности и на пенитенциарную систему. Изображения предателей и изменников, сопровождаемые описанием подробностей их преступлений, должны были выставляться в публичных местах, а их потомкам было запрещено занимать государственные и общественные должности.

Обстановкой религиозной нестабильности, характерной для реставрационной Англии, и воспоминаниями о вакханалии пуританского фанатизма периода революции объясняется объединяющее всех авторов стремление к религиозному единообразию. Именно этим принципом в вопросах вероисповедания руководствуются в Скидромедии:

²⁶ R. H., *esquire*. Op. cit., p. 25.

²⁷ Ibid., p. 22.

религия – это основа, цементирующая общество и спланирующая людские души. Все жители государства – христиане, религиозные секты запрещены. Глава церкви – понтификс, наделяющий властью епископов и священников. Представители духовного сословия освобождены от уплаты налогов, а источник их доходов – церковная десятина. Другими словами, в Скидромедии воспроизведен римско-католический вариант христианства.

Принцип религиозного единообразия был доведен до логического максимума и в Бенсаламе. Атеистов здесь наказывали полугодовым ношением медного ошейника с серебряным колокольчиком, "звон которого призван был избавлять добрых христиан от дурной компании". Упорствующим атеистам грозила страшная пытка – языком в расплавленное железо. За клятвopепреступление язык отрезали. За богохульство закон предписывал ампутацию верхних конечностей. Показательна политика государства по отношению к исповедующим иные религии. Для евреев, например, был выделен изолированный остров (аналог гетто), пределы которого они не имели права покидать, пока не одумаются и не обратятся в лоно истинной церкви, а тех, "кто упорствовал в своей гордыне и осмеливался поносить нашего Спасителя, распинали на кресте"²⁸.

Маргарет Кавендиш также ратовала за религиозное единообразие, причем ни одна из существующих религий, по-видимому, ее не устраивала, так как она мечтает создать собственное религиозно-философское учение, которое называет Каббалой. Для этого героя "Сияющего мира" обращается к невидимым духам с просьбой выделить ей в качестве помощника душу одного из современных знаменитых мыслителей – Декарта, Галилея, Гассенди или Гоббса. Духи отвечают, что эти, "без сомнения, оригинальные авторы слишком тщеславны, чтобы помогать женщине", и предлагают ей герцогиню Ньюкасл, "чье писательское кредо – здравый смысл и простота" и которая "с удовольствием сделает все возможное, чтобы услужить ее императорскому величеству"²⁹.

Новое религиозное учение попытался сконструировать и Френсис Ли, "соединив все достижения современной философской и естественно-научной мысли: пансофизм А. Коменского, элементы Каббалы, мистицизм Дж. Лид, картезианство Р. Декарта, неоплатонизм Генри Мора и эпистемологию Дж. Локка"³⁰. В его Астрее "по закону ни одна религия, привнесенная извне и отличная от исповедуемой астреей, не имеет права на существование на территории острова"³¹. Вера астреев проста и основана на рациональных началах, в отличие от большинства религий, "бесцеремонно навязывающих небесам то, что человек не может разглядеть даже с помощью самого мощного оптического прибора"³². основополагающий постулат их философско-религиозного учения гласит, что "в разуме человека нет того, чтобы изначально не прошло через чувственное восприятие, как, например, зрение и осязание не могут постичь то, что не имеет телесной оболочки"³³. По этой причине допускать мысль о том, что поведением Вселенной может управлять некая бестелесная субстанция, что духовное может приводить в действие материальное, "не менее смешно, нежели абсурдно"³⁴. Астрее сомневаются в бессмертии души, в существовании рая, ада и чистилища, отрицают возможность чудес, снисходительно воспринимают догмат о посмертном воздаянии. Недостаток других религий, по их мнению, заключается в том, что они "учат молча соглашаться с тем, что преподносится в виде непреложных истин, в то время как надо до всего доходить путем чувственно-интеллектуального познания"³⁵. Иными словами, всю религию астреев пронизывает скептицизм, что, однако, не мешает им поклоняться могуществу "случай-

²⁸ Ibid., p. 29.

²⁹ Cavendish M. Op. cit., p. 181.

³⁰ Goldie M. Obligations, Utopias and Their Historical Context. – The Historical Journal, 1983, № 26, p. 742.

³¹ Antiquity Revived or the Government of a Certain Island Antiently Call'd Astreada, p. 139.

³² Ibid., p. 142.

³³ Ibid., p. 144.

³⁴ Ibid., p. 140.

³⁵ Ibid., p. 154.

ного и благодетельного Провидения", высшей силе, вдыхающей жизнь во Вселенную, и следить за тем, "чтобы свобода совести не увела их слишком далеко с пути разума"³⁶. Таким образом, протестуя против общепринятых застывших догм, автор ограничивает сознание обитателей Астреады догмой собственного изобретения: верь только в то, в чем абсолютно уверен. Внутренняя противоречивость созданного автором религиозного учения, по-видимому, объяснялась желанием соединить в органичное целое концепцию Локка о структуре человеческого познания³⁷ и религиозные идеи неоплатоников. Попытка оказалась не очень удачной, но в какой-то степени "Возрожденная античность" предварила "Христианство без тайн" Дж. Толанда (1695 г.) и "Разумность христианства" Дж. Локка (1696 г.)³⁸.

Рассуждая о религии, Ли не мог не коснуться актуальной для XVII в. проблемы взаимоотношения светской и духовной властей. Религия астреев отрицает наличие любой зависимости от господствующих политических режимов и доктрин. В противном случае, отмечает автор, религия "стала бы жертвой политических катаклизмов, как часто происходит в странах, где вера нуждается в гражданских инструментах для укрепления своего авторитета"³⁹. Церковь и государство существуют независимо друг от друга, как две данности, автономные и неизменные. Кроме того, Ли, долго вращавшийся в кругах высшего духовенства, позволил себе неллицеприятные высказывания в адрес священников и человечества в целом. По его словам, "священники, преследующие корыстные интересы, захватили невежественные умы, коих подавляющее большинство, и заставили поверить в то, что нельзя ни проверить, ни доказать"⁴⁰. Решение проблемы он видел в создании единого религиозно-философского учения, способного объединить человечество: "Люди, разделенные нелепыми предрассудками, поймут, что мир един, что существует единственная истинная вера"⁴¹.

Примечательно, что во всех рассматриваемых утопиях крайне схематично и лапидарно описано экономическое устройство идеального общества. Кавендиш и Ли в принципе игнорируют данный вопрос, выводя на первый план проблемы философского и естественно-научного характера. "Скидромедия" и продолжение "Новой Атлантиды" выдержаны в более традиционном ключе и внешне напоминают "Утопию" Т. Мора за исключением того, что эти утопии (как, впрочем, и большинство утопий XVII в.) отрицали принцип общественной собственности как противоестественный. Деньги в Скидромедии почитаются "выше меча": их называют "кровью государства", а вывоз драгоценных металлов запрещен под страхом смертной казни.

Легран сделал шаг назад, вернувшись к уже изжившей себя в Англии конца XVII в. теории раннего меркантилизма, или монетаризма, в основе которого лежало представление о том, что богатство страны определяется наличием драгоценных металлов. Легран, как и представители раннего меркантилизма, считал деньги абсолютной формой богатства, и утверждал, что нация тем богаче, чем больше золота и серебра она имеет. Шагом назад были и запрещение в Скидромедии ростовщичества, и его оценки не с экономических, а с морально-этических позиций. Торговля и всяческая коммерческая деятельность в Скидромедии поощряются государством, и даже представители знати не считают зазорным заниматься коммерцией. В экономике присутствуют элементы государственного регулирования и свободного рынка: торговые и промышленные монополии запрещены, а цены на товары фиксируются не себестоимостью, а спросом. В своей совокупности ретроградная экономическая организация общества, предложенная Ле-

³⁶ Ibidem.

³⁷ См. *Locke J. Human Understanding*. London, 1689.

³⁸ См. *Goldie M. Op. cit.*, p. 742.

³⁹ *Antiquity Revived or the Government of a Certain Island Antiently Call'd Astreada*, p. 153.

⁴⁰ Ibid., p. 146.

⁴¹ Ibidem.

граном, объясняется экономическими представлениями, характерными для более отсталой в экономическом отношении Франции.

Экономическая организация общества, представленная в продолжении "Новой Атлантиды", выдержана в профеодалном стиле. Анонимный автор практически отвергал принцип разделения труда и помещал общество в жесткую, застывшую во времени структуру. Ремесло передавалось из поколения в поколение, исключение делалось только для особо одаренных детей; для представителей каждой профессии выделялась улица или район; рынки функционировали два раза в неделю в строго определенные часы. Даже дома были выстроены по единому образцу из голубого мрамора. И хотя, как уверял автор, в Бенсалеме наказывалась и осуждалась праздность, он невольно продемонстрировал свое истинное отношение к представителям так называемых "оскорбительных", "низких" и "шумных" профессий (пивоварам, булочникам, мясникам, кожевникам, кузнецам), поселив их на окраине города, поближе к реке. По словам автора, это делалось исключительно из лучших побуждений – чтобы ремесленники сбрасывали производственные отходы в воду, а не загрязняли ими улицы и не портили городской пейзаж.

Для рассматриваемых абсолютистских утопий характерна еще одна общая черта: декларирующийся принцип умеренности в потреблении материальных благ сочетается с роскошными атрибутами верховной власти. Дворец короля Бенсалема был выстроен из лучших пород мрамора, его обрамляли великолепные колонны и анфилады. Стены были выложены золотыми пластинами и причудливой мозаикой из драгоценных камней, в просторных залах стояли статуи римских полководцев и матрон. Жасмин, гранатовые, апельсиновые и лимонные деревья наполняли воздух ароматом, а вода, бьющая из пасти мраморных львов, – свежестью и прохладой. Вероятно, роскошное убранство королевской резиденции выполняло функцию чисто внешней атрибутики абсолютистской власти, так как сам монарх откровенно равнодушен к окружающему его великолепию. "Его сдержанность была выше всяческих похвал, – отмечает автор, – его никогда не видели разговаривающим с женщиной, за исключением его царственной супруги. Его набожность не знала границ, как и любовь к своим подданным, которых он называл своими детьми"⁴².

Кавендиш, воспевая умеренность как высшую добродетель и ключ к всеобщему счастью, снабдила свою героиню, ставшую императрицей, внешними атрибутами сильной власти и создала образ королевы-воина, идейными корнями ухившийся в культ Елизаветы I: "Ее голову украшала жемчужно-бриллиантовая диадема, в центре которой, подобно солнцу, сиял алый карбункул; мантия была расшита жемчугом, сапфирами и рубинами; в одной руке она держала сверкающий, словно радуга, щит, в другой – меч, символизирующий ее готовность защищать своих подданных от врагов"⁴³.

Любопытно, что в "Сияющем мире" Кавендиш и в продолжении "Новой Атлантиды" затронута тема научно-технического прогресса. Императрица первым делом основывает научные общества: "Люди-медведи стали ее философами, люди-птицы – астрономами, люди-попугаи – ораторами, люди-рыбы – естествоиспытателями, люди-обезьяны – химиками"⁴⁴. Она расспрашивает ученых о составе воздуха, снега, ветра, о причинах возникновения грома и молнии, о движении небесных тел, о природе человеческого восприятия, о возможности излечения от апоплексии и чумы, о материальности человеческой души. Примечательно и то, что, согласно одному из требований императрицы, "научные диспуты не должны выходить за рамки научных обществ, дабы не подорвать основы правительства и государства"⁴⁵, т.е. свобода мысли в определенной степени находится под неусыпным государственным контролем. Когда же конфликты приводят к угрозе восстания, душа герцогини Ньюкасл советует императрице распустить все на-

⁴² R. H., *esquire*. Op. cit., p. 46.

⁴³ Cavendish M. Op. cit., p. 133. О культе Елизаветы см.: Yates F.A. The Imperial Theme in the 16th Century. London, 1975; Strong R. The Cult of Elizabeth: Elizabethan Portraiture and Pageantry. London, 1977.

⁴⁴ Ibid., p. 134.

⁴⁵ Ibid., p. 142.

учные общества, так как "предпочтительнее обойтись без их знаний, чем расшатать основы правительства"⁴⁶.

В обществе Бенсалема царил бэконовский культ знания, что выражалось во всяческом поощрении со стороны власти научно-технического прогресса. Но если Бэкон использовал форму утопии для того, чтобы изложить проект государственной организации науки, и это "позволяет говорить о нем как об авторе сциентистской утопии"⁴⁷, то автор продолжения "Новой Атлантиды" предлагает иной вариант. У Бэкона орден "Дом Соломона" – это мозг страны, интересам успешного функционирования которого подчинена вся жизнь ее граждан, а у его последователя наука и ученые всего лишь обслуживают существующий государственный строй, получая за это щедрое вознаграждение. Показательна церемония чествования изобретателя нестараемой бумаги: "Ему возложили на голову лавровый венок... вручили серебряную чашу с пятью тысячами золотых дукатов... определили пожизненное ежегодное содержание в такую же сумму"⁴⁸. Научная и изобретательская деятельность носит гласный характер, каждое изобретение должно стать общественным достоянием и принести общественную пользу. Так, в галерее изобретений перед путешественниками предстает крошечный макет подводной лодки, способной взрывать корабли; взрывчатка, по силе в сотни раз превосходящая обычный порох, и прочие технические новшества. У жителей Бенсалема есть университеты, колледжи, свободные школы с самыми разнообразными специальностями, среди которых – богословие, математика, философия, право, поэзия, актерское мастерство. Интересен и проект "Академии избранных искусств", члены которого занимаются исключительно филологической деятельностью: составляют энциклопедии и словари, собирают пословицы, поговорки, идиомы, совершенствуют язык, переводят произведения иностранных авторов.

Следует отметить, что монархические утопии второй половины XVII в., в отличие от утопических произведений республиканско-буржуазной направленности и от народных утопий, в выборе литературного жанра и в сюжетном построении, копировали "Утопию" Т. Мора. Обращает на себя внимание и тот факт, что одним из наиболее действенных способов решения возникших после Реставрации политических, религиозных, экономических и социальных проблем их авторы, так же как и Т. Мор, считали жесткий контроль и регламентацию. Подобный способ решения общественно-политических и иных конфликтов представлялся столь эффективным, что авторы абсолютистских утопий в отдельных случаях предпочитали искать пути воплощения своих конструкций не в настоящем или в будущем, а в прошлом, обращаясь в идеализированное их воображением Средневековье.

Средневеково-феодальными представлениями пронизан жизненный уклад обитателей Бенсалема. Это – существование религиозных рыцарских орденов, регулярно практикующийся ритуал омовения королем ран и язв страждущих бедняков и, главное, неподвижная, почти кастовая социальная структура, где каждый занимает раз и навсегда отведенное ему место. Последнее характерно даже для интеллектуальной и подчеркнуто отвлеченной от земного бытия утопии Кавендиш, чей идеал сводится к жестко структурированному обществу, функционирование которого находится под тотальным контролем единоличного правителя. От склонности к авторитаризму не свободна и утопия Леграна, единственного, кто предпринял попытку взглянуть на спорные вопросы, бывшие предметом ожесточенной дискуссии между роялистами и республиканцами, с различных позиций.

Таким образом во второй половине XVII в. консервативно-патриархальное направление политической мысли Англии переместилось в рамки утопического жанра. При этом представления о происхождении и прерогативах института абсолютной монархии, аргументы, направленные против теории народного суверенитета и общественного догово-

⁴⁶ Ibid., p. 202.

⁴⁷ Шишулькин С.А. Онтологические и гносеологические основания социальной утопии. Магнитогорск, 2004, с. 60 (автореф. канд. дисс.).

⁴⁸ R. H., *esquire*. Op. cit., p. 34.

ра, ничем существенно не обогатились и вплоть до конца столетия оставались на идейном уровне, заложенном Фильмером более полувека назад. И это не удивительно, так как концепция Фильмера, целостная, непротиворечивая и логически совершенная, по словам американского историка П. Загорина, была "единственной роялистской теорией, заслуживающей того, чтобы быть названной теорией божественного права в строгом смысле слова"⁴⁹.

Однако, несмотря на то, что авторы рассмотренных утопий не привнесли ничего кардинально нового в область политической философии, обращение к жанру утопии дало им возможность на ментальном уровне предложить альтернативный абсолютистский вариант развития Англии. То, что эти абсолютистские модели предлагались не для какого-нибудь абстрактного государства, а именно для Англии, авторы не считали нужным скрывать, вводя в повествование исторические персонажи и упоминая конкретные исторические события. Автор продолжения "Новой Атлантиды" открыто предлагал Карлу II "платформу монархического правления", чтобы внести "скромную лепту в будущее счастье и процветание"⁵⁰. В "Сияющем мире" Кавендиш души императрицы и герцогини Ньюкасл совершают путешествие в Англию, помогают королю Карлу II одержать победу в войне с Голландией и превращают Англию в "абсолютную монархию всего мира"⁵¹. Идеологическая цель "Возрожденной античности" Ли, этой "несомненно яковитской утопии"⁵², состояла в том, чтобы задекларировать незаконность пребывания Оранской династии на английском престоле, а также с помощью плохо замаскированных фильмеровских аргументов развенчать популярную среди вигов теорию общественного договора. "Скидромедию" француза Леграна в XX в. назвали "настолярной книгой английского монарха, из которой тот мог получить бесценные советы, как обеспечить мир, порядок и безопасность, смягчить религиозную вражду и постепенно реформировать страну"⁵³.

Основной задачей авторов консервативно-абсолютистских утопий реставрационного периода была попытка взять идеологический реванш за 1649 г., когда англичане на практике отвергли патриархально-монархическую теорию, выступив в роли народа, дающего и отнимающего власть. Авторы утопий пытались доказать возможность создания жизнеспособного социума с абсолютистской формой правления, основанного на принципах рационализма. Высказывая неглубокие, политически ангажированные идеи, они вместе с тем стремились к рациональному обустройству жизни на всех уровнях – политическом, экономическом, религиозном, военном, юридическом, бытовом. Они верили, что существует единый для всех естественный гармоничный порядок, который представлен во всем сущем, в том числе в умах и душах людей. Их утопии – это социум рациональной гармонии, организованный в полном соответствии с патриархально-абсолютистскими идеалами.

Но поставленные ими задачи остались нереализованными и сами утопии не вызвали сколько-нибудь заметного общественного резонанса. Причины этого определяются тремя основными факторами. Во-первых, сокращалась социальная среда сторонников неограниченной монархии. Во-вторых, идеологическая креативность этих утопий оказалась ничтожной, а предлагаемые ими модели идеальных социумов были обращены в прошлое, ценности которого в общественном сознании к концу XVII в. оказались полностью девальвированы. И, наконец, абсолютистские утопии не предлагали позитивных моделей экономического развития общества и сколь-либо эффективных путей решения актуальных для постреставрационной Англии социальных и религиозных проблем.

⁴⁹ Zagorin P. The Royalists and Sir Robert Filmer. – Seventeenth Century England. A Changing Culture. Ed. by A. Hughes, v. 1. London, 1980, p. 226.

⁵⁰ R. H., esquire. Op. cit., p. 5.

⁵¹ Cavendish M. Op. cit., p. 214.

⁵² Davis J.C. Utopia and the Ideal Society: a Study of English Utopian Writing 1516–1700. Cambridge, 1981, p. 292.

⁵³ Patrick J.M. Op. cit., p. 280.